

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

ИНОПЛАНЕТЯНИН

38

как прекрасен ее пупок.
такие изящные выемки находишь в бракованных свечах
или на стволах вишен — место, где обнажилась кость,
отмерла старая ветвь или передумала родиться новая.
узкие джинсы — когда развешивает их на стуле —
похожи на картонные цилиндры внутри рулонов.
босоножки на высоких каблуках —
жилистые царицы-скорпионши
с выводком жал, выкрашенных черно-алым.
и главное — глаза. глаза... там всегда
мреют и плывут зеленовато-серые рассветы
инопланетные,
или угасают янтарно-жемчужные закаты
безлюдные.

таинственная планета, и жизни — разумной, хищной —
на ней нет,
или она ловко прячется от меня
за границами век, за туманами и озерами.
иногда промелькнет пятнистый монстр страсти,
точно перед объективом дискавери,
но отвлекают пыльно-шелковые облака,
темное пульсирующее солнце.
ее красота отзывчива и тепла — будто трон с подогревом
или электрический стул с подушечкой от геморроя.
заботливая красавица,
не трепанированная зубчатой самовлюбленностью, —
это редкость: так бриллиант в кольце
искренне переживает, если ты порезался
во время бритья. кто же ее создал,
подарил мне?
все вещи в доме пахнут ароматным уютом,
и даже гладильная доска — близорукий птенец птеродактиля —
смотрит на меня великодушно.
а почему бы и нет?
во мне скопилось так много любви — как радия в закромах
миролюбивого диктатора.
пора уже устроить небольшой термоядерный взрыв
семейного счастья.

Инопланетянин

в окне сверкали огни новогодней ели —
точно там стоял толстый треугольный инопланетянин
в игольчато-зеленом одеянии, украшенный нелепыми
ожерельями, стразами. да-да, такой неповоротливый гость
с другой планеты, и я подумал: а Господь
правильно делает, что не показывается нам на глаза,
иначе мы бы его задолбали вопросами.
упростили (проще некуда), и вот он неповоротливый,
уязвимо-счастливый накормлен кашей «славься» до пупа.
нет, боги должны оставаться незаметными —
невидимки во время дождя —
вытягивать нас, как тепло из щелей дома,
как печной дым — только вверх или в сторону,
а там дальше — лес настоящий: ели высокие и мрачные,
великаны, не кастрированные цивилизацией...
и я даже не знаю, кто мне симпатичней —
деревья-волки или деревья-собаки.
боги, которые признали отцовство или те,
что даже не обернулись. только однажды

на прощанье взглянули в окно...
там сверкали огни...

Сосны

закат плыл в луже,
точно использ. презерватив с пурпурным семенем,
а я шел сквозь мокрые сосны: ими можно любоваться долго,
точно глинистыми оврагами на водохранилище,
где мы взросли под туманные рапсодии рассвета.
мокрые коричнево-рыжие сосны с пятнами памяти:
леопарды вздрагивают в колоннах янтаря — вмурованы
в мутную прозрачность доисторической смолы, и иглы
разума ржавеющие, и. я вернулся на руины храма
любви. мраморная тумба для статуй, и на ней
греется черная кошка в теплом пыльном луче.
и вот еще — прозрачный слон у водовизга машин:
виден лишь бетонный хобот фонаря и.
не проклюнувшиеся птенцы, слова
дрожат в костяных наростах под языком,
там, где миндалины, там, где бред с коньяком.
это не сосны, это музыка черной десны и корни,
как земляные пианисты, как кроты с когтями
вылезают из земли и.
вершины ввинчиваются в голубую эмаль
неба — сотни тихих ласковых бормашин,
но кариеса нет, только время, только время.
что же останется
после любви, людей?

стих как стих — сосновый выдох,
мамонтенок в тающей льдине — пахнет мокрой псиной.
и так невыносимо... сосны притягивают, как магниты, а я —
металлическая стружка. железные опилки режут глаза и.
слезы — это оружие, методы воздействия без любви.
но нечто большее, чем рыдание, охватывает меня.
там, напротив остановки в сосновом бору,
наши юности провихляли радужными мальками. там
каждый раз прохожу по собственному перегною,
еще живому: вот мы, подростки, обнимаемся, у тебя кола,
вот я иду один — уволен, с журналом «футбол»,
а это — еще двадцать минут назад —
шел с тренировки, изучал лицо слепого,
точно океаническую раковину. вырывал мокрые сосны, их запахи —
для стихотворения, для чего-то еще невидимого из жизни.
это — вечная инкарнация в себя, в мгновения и.

густая слепота мира.
колышутся сваи, из зыбкого зазеркалья прорастая.
саблезубые красные крысы — внизу визжат трамваи.
еще сколько раз пройду? мокрые сосны пустили корни
сквозь мое глинистое тело — я уже часть пейзажа.
любопытная ракушка
на берегу невидимого моря...

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

Сделать это можно:

- путем перечисления средств

на карту VISA Сбербанка РФ
номер карты: 4276 3801 8778 3381
на имя: ГУНЬКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Узнать подробнее можно - [здесь](#)

